

Лингвистический национализм и академическая традиция: соперничество и преемство

Если Бог для меня и существует, то это именно язык.
Иосиф Бродский

В минувшем году мне пришлось побывать на одной научной конференции, которая проходила в столице Северной Осетии городе Владикавказе. В конференционных докладах не раз звучало имя гордости осетинской гуманитарной науки выдающегося лингвиста В.И. Абаева, прославившегося среди всего прочего составлением «Историко-этимологического словаря осетинского языка». В одном докладе, прочитанном известным и уважаемым в республике языковедом, тоже было сказано немало добрых слов в адрес классика, но основное содержание выступления сводилось к критике двух этимологических построений из упомянутого словаря. Речь шла о двух лексемах, которые Абаев считал заимствованиями — *дзуар* «крест; святой; святыня, почитаемое место» (от грузинского *джвари* «крест» [ИЭСОЯ I: 401]) и *бах* «конь, лошадь» (из кавказских языков, ср. чеч. *beqhi*, инг. *baqh* ‘жеребенок’; другими словами, Абаев склонялся к тому, чтобы это слово признать заимствованием из вайнахских языков [ИЭСОЯ I: 155–256]). Оспаривая данную этимологию, автор доклада в случае с первым словом настаивает на том, что невозможно заимствованному слову резко расширить свое семантическое поле и, скорее, стоит ожидать обратного (а следовательно, и вектор заимствования должен быть обратным)¹, а во втором случае в коротеньком слове *бах* следует видеть аббревиатуру, в которую создавшие ее предки вложили высокие смыслы, сейчас плохо понятные потомкам. Первая реакция части присутствующих на эти рассуждения была проста: уважаемый докладчик не хочет или не может позволить себе признать, что очень важные и «сильные» лексемы попали в родной язык извне, т.е. в каком-то смысле не являются законным наследством осетинского народа, оставленным его прямыми предками². Сразу скажу, что новые этимологии меня, привыкшего доверять В.И. Абаеву, не очень убеждают, но, разумеется, судить об их корректности может только профессиональный лингвист. То, что меня интересует, это некоторые общие пресуппозиции, которые определяли логику упомянутого выступления и были глубоко понятны как его автору, так и слушателям, включая и автора этих строк. Я бы назвал ее логикой лингвистического национализма.

В данной работе лингвистический национализм не является термином пейоративным, стигматизирующим или даже полемическим. Он относится к кругу идей и представлений о социальной реальности, в которых допускается или даже утверждается особая связь между нацией (этнической группой) и ее языком. Действительно, наше социальное воображение определяется тем

фактом, что если этническая группа в целом или отдельные ее представители утрачивают навыки владения своим языком, то они теряют свои этноопределяющие признаки и их этническая идентичность становится проблематичной и требующей дополнительной аргументации и легитимизации. Привязанность к родному языку и стремление его сохранить кажутся нам настолько естественными, что даже не требуют определения через апелляцию к национализму. В этом контексте характерен следующий факт. Выходящая в Северной Осетии газета «Фыдыбæстæ» («Отчизна»), всегда крайне ироничная к проявлениям «национальной гордости» осетин, становится вполне серьезной, когда речь идет о перспективе исчезновения родного языка. Конечно, здесь стоит указать, что во многих этнических группах существуют, конкурируя или объединяясь, два типа культурного национализма. Первый основывается на памяти о древних предках, традициях и обычаях и глубокой подозрительности и даже неприятию всего, что соотносится с модернизацией; второй гордится современными достижениями — новой литературой, наукой (не только гуманитарной), искусством и т.п. Другими словами, в русском контексте кто-то предпочитает гордиться былинами, а то и «Велесовой книгой», а кто-то «Войной и миром» и периодической системой химических элементов. Разумеется, есть те, кто гордится всем, но если говорить о «Фыдыбæстæ», то ее редакция явно противопоставляется традиционалистам, как радикальным (религиозная организация «Ацæтæ»), так и умеренным (Общество «Стыр ныхас»). Тем не менее любая инициатива по сохранению осетинского языка, пусть не как языка эпических нартов, а как языка великого Косты Хетагурова, этой газетой приветствуется. Более того, авторы публикаций подчеркивают ответственность всей нации и каждого ее представителя за главный и безусловный этноопределяющий признак — родной язык, которому, и по этому поводу в республике существует консенсус, грозит исчезновение. Очевидно, что в эпоху глобализации (да и классического модерна) любой интеллеktуал, каким бы он ни был либералом и космополитом, опирается на свою языковую лояльность как на последний, но крайне убедительный аргумент в преданности своему народу.

Однако у подспудной логики лингвистического национализма существуют векторы развития, которые, эксплуатируя некоторые допущения социальных стереотипов, приводят к созданию представлений и практик, которые могут показаться экстравагантными и даже опасными в тех случаях, когда дело доходит до поиска врагов родного языка. Например, очевидно, что с какой-то точки зрения, язык — это самая древняя «вещь», которой обладает тот или иной народ (здесь, конечно же, есть важные оговорки и исключения, которые если не подтверждают правило, то не особенно ему мешают). И надо сказать, что это положение, являющееся фактом общественного консенсуса и обладающее сейчас статусом обывательского суждения, в значительной мере стало результатом работы сравнительной лингвистики, установившей связь между современными и древними языками. Но академическая лингвистика повлияла на лингвистику популярную не только в этом.

Давайте взглянем на идеи касательно неких высочайших информативных качеств языка, которые сейчас стали если не общепризнанными, то весьма популярными. И для того чтобы показать, что примеры подобного подхода можно найти не только среди осетинских интеллектуалов, с тревогой следящих за судьбой своего языка, но и там, где подобная тревога кажется мне откровенно надуманной, приведу примеры из русского материала.

Вот какие высказывания мы находим на главной странице сайта «Русские времена» (<http://rustimes.com/>), который предвзятый посетитель охарактеризовал бы как националистический (с неоязыческим религиозным налетом) и квазинаучный (уж так получилось, что эти направления научной мысли зачастую сходятся).

Что ты знаешь о Руси? 1000 лет назад нас одарили грамотой, названием «Русь», варяжскими князьями, причесали греческой культурой и еврейской религией. А что было до того, лапотная дикость?

Не возводили наши предки пирамид, но оставили нам величайший язык, который содержит в себе глубинную философию, историю и научное мировоззрение. До недавнего времени мы даже не предполагали, наследниками и носителями какого богатства являемся.

Веками нам внушали миф об извечной простоте, темноте, безграмотности и забитости славян. Мы кланяемся чужим богам и пророкам, живём историей, чаяниями и правилами не своего народа.

Язык богов — русский язык. Это и есть наша национальная идея.

Русский язык в своей корневой основе ближе всех к изначальному древнечеловеческому. Священный русский язык обладает огромной магической (психотронной, психолингвистической) силой политехнологии, способной кодировать население, скрытно воздействуя прямо на подсознание, минуя фильтр рассудка.

Как видим, в приведенных пассажах содержится как гордость за обладание бесценным национальным наследством, так и уверенность в том, что в мире есть желающие отобрать его у законных обладателей. Еще одной важной деталью этого рассуждения является стремление придать языку сакральный статус религиозного объекта.

Примерно таким себе представляет природу родного для него языка известный сатирик Михаил Задорнов, который ныне увлеченно занимается построением смелых этимологий и без тени иронии пишет на своем сайте: «Вернусь к родному языку. В нем загадок не меньше, чем в древних постройках. Такое ощущение, что наши предки обладали особыми тонкими знаниями. Будто в их организмы были вмонтированы микроскопы и телескопы. Как они считывали информацию? Чуйкой? Или видели и слышали больше, чем мы сегодня? Может, у них был свой “Интернет” и они посылали мысли друг другу через Полярную звезду-сервер? И, наверно, такая космическая сеть сбоев не давала, и метеориты-вирусы работу не сбивали»³.

Интересно, что этимологизаторская деятельность Задорнова основывается на предпосылках, которые близки другим любителям родного языка — неоязычникам. Вот что мы находим на странице «Живого журнала», когда, рассуждая о тайных утерянных смыслах всем хорошо знакомых слов, он утверждает:

Все эти слова родились, когда наши предки считали себя не рабами божьими, а сынами. Разница вот в чем — сын божий грешит меньше. Например, они никогда не намусорит на природе, потому что знает, что природу создал его Отец. И своему папе он плохого не хочет. А раб божий сделает это запросто, потому что знает, что потом попросит прощения у Господа. И он его простит, как учит религия. Изменил жене — Господи, прости меня. Сын божий понимает, что в этом случае прощения нужно просить у жены, а не у Отца своего, поскольку Отец тут не при чем! Раб божий грузит Господа. А тот, по-моему, в ужасе от неверных мужиков всего мира: «Вы чего меня грузите? И почему я должен за все ваши грехи отвечать?» Никто не может искупить грехи другого — так считали наши предки. Если хочешь увидеть того, кто виноват в твоих бедах — подойди к зеркалу⁴.

Рассуждения лингвистов-любителей, весьма иронично описанные недавно Андреем Зализняком [2010], могут вызывать скептическую усмешку или негодование у профессионалов, но для нас важно, что идея самодостаточной и неизбежной мудрости того или иного языка относится не только к сфере околонучного аматерства, зачастую сопряженного с религиозным поиском и даже нонконформизмом. Следующее рассуждение я взял из брошюры доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей России Татьяны Мироновой, человека православного и большого патриота России и русского языка. Свои рассуждения о том, как нужно понимать евангельские слова «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже аз возлюбих вы. Больши сея любве никто же не имеет, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 12–13), она заключает следующим пассажем:

Русская душа почему еще так отзывчива на эту евангельскую заповедь, что понятие други своя для нее врожденное, оно входит в нас с нашим родным языком. Само слово свой было и есть ключевое, коренное для русского самосознания. Открытие это сделано академиком О.Н. Трубачевым при реконструкции древнейших понятий славянской культуры, на которых строили наши предки дом, семью, государство, а главное Веру. Эти понятия живы в нас и по сей день, они суть идеалы, образцы, установки жизни православного человека. Много найдется готовых поспорить с тем, что идея своего как лучшего, доброго и правильного пронизывает всю русскую жизнь. Ведь нам внушают обратное, что русская-де натура широка, всеохватна и всечеловечна. Мы давно привыкли мыслить себя в облике этакого простеца, гостеприимно распахивающего двери в свой хлебосольный дом любому инородцу, настезь открывающего свою душу любому иноверцу, усердно прислуживающего всем им.

Но язык наш — первый свидетель того, что русские никогда не были настежь распахнуты для чужаков, что они честно и неллицемерно разделяли мир на своих и чужих [Миронова 2005: 9–10].

То есть язык выступает в роли гаранта национальной нравственности и одновременно носителя реальной, наиболее достоверной информации о сути народного мировоззрения (и, разумеется, о Вере предков), но информация эта требует извлечения из-за ширмы, которую некие «внушители» воздвигли между народом и его душой — языком.

Примеры подобного рода высказываний можно множить⁵. И среди осетинских интеллектуалов можно без труда найти близкое понимание родного языка, которое укрепляется словами поклонника индоевропейских древностей Жоржа Демюзилля, который писал что осетины «сберегли до наших дней не только язык как форму, несущую некое культурное содержание, но и само это содержание, в котором отразилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития. А главное, живы бесценные, полные архаики эпические сказания» [Дюмезиль 1990: 8]. Среди активистов осетинской народной веры распространена тенденция сводить религиозные и лингвистические аспекты реконструируемых древних или даже изначальных культурных реалий. Вот как начинается книга Алана Чочиева, посвященная своеобразному лингвотеософскому анализу нартского эпоса: «Перед Вами уникальная по своей информативности и новизне двенадцатая книга автора, обобщающая результаты исследования вопросов праязыка и проторелигии» [Фриев 2009: 3]. Неудивительно, что в таких построениях имплицитно присутствует идея того, что не столько народ должен хранить свой язык, сколько сам язык является носителем духовности и через это стражем той или иной нации или этнической группы. В открытой и недвусмысленной форме эта мысль возникает в дискурсе национальной эсхатологии (в данном случае содержащем элементы расовой теории и конспирологические мотивы):

Осетины очень быстро интегрируются во всеобщий миропорядок, при этом теряют гораздо больше, чем приобретают. Нас перестали защищать наши боги. Мы предали свой язык, вернее, предав свою веру, мы начали разрушать башню под названием «Арийская Доктрина». И как результат, Синклит Мира (Дзуары и Зеды) изымает у нас древнейший из языков человечества. (Без своего языка, веры и традиций человек становится шудром-рабом. У шудров иная миссия на Земле, нежели у Жрецов и Кшатриев. Доктрина шудров созвучна той, которою навязывают человечеству сегодня правители Мира: пость, поспать и позаниматься сексом. Все просто и без затей. Но так живет и весь животный мир). Это язык, на котором общаются боги. В одной из буддистских книг сказано: «Боги говорят на языке “Арья”». У нас материнский язык всего человечества. На этом языке говорили все Посвященные: Будда, Зороастр, Моисей, Кришна, Рама, Пифагор, Христос, Орфей, Данте,

Коста, потому что в мир они принесли Знания об Истине, а они даются на языке Ариев. Вначале это был язык Сензар. Язык жрецов Атлантиды, затем Санскрит. На нем говорили жрецы Арктогеи, Египта, Месопотамии, Индии, Ирака [Магкеева 2007].

Как мы видим, опять в рассуждении о языке он оказывается сопряжен с идеей веры, религии. Конечно, для многих подобные рассуждения относятся к области любительской лингвистики и крайностей постмодерной информационной свободы. Однако стоит иметь в виду, что рассуждения современных лингвистических (и в значительной мере религиозных) националистов наследуют добропорядочной академической традиции, с которой в той или иной форме знакомы многие из нас. Образы, предложенные мыслителями эпохи Просвещения еще в XVIII в., оказались не оспорены, а усвоены и развиты отцами-основателями современного культурного национализма — романтиками, чтобы благополучно дожить до наших дней, когда их вновь изобрели наши современники. Так, образ языка как хранилища информации был предложен немецким библеистом Иоганном Давидом Михаэлисом, который в 1759 г. писал: «Таким образом, язык есть своего рода архив, в котором открытия человечества защищены от наиболее разрушительных опасностей, архив, который не может разрушить пламя и который не может исчезнуть, пока не будет уничтожена своя нация» (цит. по: [Olender 1992: 5]).

На основании подобного понимания природы и функции языка с его тесной сопряженностью с идеей нации в зарождающейся индоевропеистике возобладали идеалы «лингвистической палеонтологии», и священные тексты «арийского происхождения» (прежде всего Веды) стали противопоставляться Библии в качестве сакральных книг, повествующих о религиозных корнях арийской расы [Olender 1992: 8–9].

Многие современные категории повседневного мышления о природе языка, своего рода когнитивные привычки (например, думать о языке и связанной с ним нацией в терминах автономно существующих личностей) возникли из догадок и метафор, пришедших в головы европейских интеллектуалов в XVII–XVIII вв. [Козлов 1999]. И поиск академических категорий повседневной «народной» лингвистики, возможно, поможет ответить на один из основных вопросов изучения национализма: что делает убедительными идеи национальных активистов среди массового потребителя этой идеологии?

Ведь мало кто из нас пытался оспорить знаменитые слова Михаила Ломоносова, знакомые нам со школьной скамьи, о том, что русский язык соединяет в себе «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». И мало кто назовет националистической известную фразу Расула Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, / То я готов сегодня умереть». Для многих слова великих являются просто изящным и убедительным воплощением собственного отношения к языку.

Примечания

¹ Предложенная В.И. Абаевым этимология не нравится и другим поклонникам родной старины. Так, Слава Джанайты считает, что «из-за единожды высказанного, не до конца продуманного предположения происхождения данного понятия [т.е. этимологии Абаева], создавалась бесполезная и тушковая ситуация в официальной науке». И задается очевидным вопросом: «итак, “Дзуар” — это святое “информативное” наследие предков или заимствование, связанное с “грузино-христианской пропагандой”? Первый вариант, разумеется, оказывается верным [Джанайты 2007: 41].

² Известный в республике активист т.н. «традиционной осетинской веры» Даурбек Макеев, отказываясь от христианского и исламского наследия осетинской культуры, опирается на примерно такую же логику: нам не нужно ничего чужого, у нас есть все свое (в данном случае независимо возникшая монотеистическая религия), и это свое прекрасно [Макеев 2002; 2007]. Кстати говоря, движимый этой идеей, Даурбек в свои этимологические и космологические построения не включает слово *дзуар*, «т.к. оно заимствовано с грузинского языка и объясняется больше христианским влиянием, нежели древнеиранским» [2002: 7].

³ <http://www.zadornov.net/3uho/> (дата обращения: 20.01.2011).

⁴ <http://mzadornov.livejournal.com/17604.html> (дата обращения: 20.01.2011).

5 Особенно яркие идеи касательно природы и истории родного языка производят и усваивают представители некоторых новых религиозных течений. Так, глава Великого Белого братства Юсмалос рассуждает о *самскрыте* — «древнем Световом языке, на котором говорили Праславяне, древние Русы, дети Прекрасной гипербореи» (<http://www.usmalos.com/modules.php?name=NaukaOSvete&pa=showpage&pid=44>; дата обращения: 19.01.2011; подробнее см.: [Ахметова 2010: 43–44]). А идеи учения о древнейшей славянской письменности — «всесветной грамоте» [Белякова 1996; Гусев 2001] популярны среди части последователей Церкви последнего завета (Полевые наблюдения Александра Панченко и автора) и анастасийцев (информация любезно предоставлена Юлией Андреевой).

Библиография

Ахметова М.В. Конец света в отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М., 2010.

Белякова Н.Е. Всесветная грамота. 1000 лет забвения. СПб., 1996.

Гусев О.М. Магия русского имени. СПб., 2001.

Джанайты С.Х. Три Слезы Бога. Владикавказ, 2007.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010.

Козлов С. «Гений языка» и «гений нации»: две категории XVII–XVIII веков // Новое литературное обозрение. 1999. № 36: 26–49.

Магкеева Л. Бумеранг: <http://osetins.com/2007/10/01/bumerang.html>, дата обращения: 8 декабря 2011 г.

Макеев Д.Б. Основы вероисповедания осетин. Тайна древних Асов. Владикавказ, 2002.

Макеев Д.Б. Религиозное мировоззрение в Нартовском эпосе. Владикавказ, 2007.

Миронова Т. И крест и меч. О воинском духе православия. М., 2006.

Фриев В. Дорогой читатель! [Предисловие] // Чочиев А. Ир-ас-/алан/-ское единобожие: теология; теософия. Цхинвал, 2009.

Olender M. The Languages of Paradise: Race, Religion, and Philology in the Nineteenth Century. Cambridge, 1992.

Сокращения

ИЭСОЯ — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958.